

АНДРЕЙ ЯКОВЕНКО,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Восточнoукраинского национального университета имени Владимира Даля, Луганск

О смысле жизни с позиции социологической рефлексии

*Как хотелось мне жить, хоть о жизни давно отгрустили,
Как я смысла искал, как я верил в людей до поры...*

Н.Коржавин

Аннотация

В статье отстаивается позиция преимущественного права социологии (перед философией и психологией) на изучение смыслов жизни с прикладного и социально-прогностического базиса. Рассматриваются основные причины, обусловившие, по мнению автора, традиции достаточно сдержанного отношения социологической науки к смысложизненной проблематике. Обосновывается целесообразность исследования социальных проблем не только с “ценностной”, но также и со “смысложизненной” платформы. Приводится ряд аргументов, обосновывающих разночтения в трактовках доминирующих в обществе ценностей, если их анализировать с учетом нахождения/утраты смысла жизни. Указывается на создание в обществе своеобразного “культа” правильного смысла жизни. При этом отмечается, что созданию данного “культа” в историческом плане способствовали все мировые религии и доминирующие после начала процесса секуляризации мировые идеологии. Фактически имеет место тождественность ключевых позиций в отношении “правильного”, “истинного” смысла жизни среди абсолютного большинства ключевых разновидностей религиозно-идеологического фундамента человечества. В то же время влияние традиции культивирования правильных смыслов жизни на социум и самоопределение личности противоречиво, если учесть фактические условия жизнедеятельности. Высказывается ряд доводов в пользу более детального исследования смыслов жизни в период глобализации. В частности, в связи с существенным влиянием глобализационных процессов на деформирование, а нередко и десакрализацию традиционных смысложизненных установок.

Ключевые слова: *смысл жизни, ценности, противоречия, мировые религии, идеологические доктрины, глобализационные процессы*

Какой смысл социологии изучать смысл?

Социологические разработки, в той или иной мере касающиеся смысла жизни, как правило, необходимо начинать с условно оправдательных объяснений. Настолько сильна межотраслевая (“межведомственная”) композиция, согласно которой социологам не рекомендуется изучать смыслы, поскольку это якобы прерогатива, прежде всего философов и психологов. Не станем повторять весь набор аргументов, начиная с необходимости отказываться от архаики расчлененного гуманитарного знания (может оно зачастую такое “мертвое”, поскольку “расчлененное”) до очевидной искусственности вытеснения социологии с исследовательского пространства смысла. Кто убежден в необходимости научного синтеза, и так будет его реализовывать, а кому комфортно в узких границах знания — никогда не воспримет доводы оппонентов. Доказывать же органичность смысложизненной проблематики для социологической науки, увы, так или иначе вновь и вновь приходится. И хотя я считаю здесь многое самоочевидным, — тем не менее традиции сложились, и ситуация действительно требует определенных усилий для их изменения. Хотя лично меня очень задевает, например, такой показательный факт, что на одном из популярных тематических сайтов, посвященных проблемам смысла жизни (www.hpsy.ru), где помещено немало работ известнейших авторов, включая и социологов, на ключевом баннере представлена надпись: “Анонс. Смысл жизни: психология, философия, религия, литература. новый проект hpsy.ru. Опрос «Ваш смысл жизни» [www.hpsy.ru]. Как видим, социология в перечне направлений отсутствует. И это несмотря на заявку авторов сайта о проведении фактически социологической исследовательской процедуры.

Безусловно, и философия, и психология имеют богатые научные традиции в изучении смысла жизни. Однако среди всего разнообразия подходов и концепций можно выделить достаточно устоявшиеся границы. Если очень кратко, то в многочисленных обзорах психологические вопросы смысла жизни в большинстве случаев сводятся к дилемме об их происхождении (общество, социальная среда или самоинициация, акт индивидуального сознания), а также к изучению внутренней структуры, влияния различных смысловых установок на индивидуальное сознание и т.д. В философии же превалирует тематика самоопределения человека через смысл жизни к вечным проблемам. Философы и религиозные деятели чаще всего позволяют себе занять позицию долженствования или морализаторства, психологи склонны углубляться во внутриличностные аспекты смысла жизни и анализ психопатологий на базе смыслоутрат или “смыслоненахождений”. В качестве примера приведу глубокую, содержательную книгу Д.Леонтьева “Психология смысла”, в которой специализировано проблеме смысла жизни уделено четыре страницы в рамках одного подраздела (и это в почти пятисотстраничном труде!). Сам же автор, кстати говоря, указывает, что: “Вопрос, в чем состоит смысл жизни, не входит в компетенцию психологии. В сферу интересов психологии личности входит, однако, вопрос о том, какое влияние оказывает смысл жизни или переживание его отсутствия на жизнь человека, а также проблема психологических причин утраты и путей обретения смысла жизни” [Леонтьев, 2003: с. 247].

По моему глубокому убеждению, социологическое поле изучения смыслов не заходит на сопредельные территории психологии и философии, оно вбирает их в себя. Важно ли для социологии, сколько людей и в какой мере проживают свою жизнь осмысленно, как и чем эти смыслы опосредованы, каким образом они связаны с различными религиозными (и псевдорелигиозными) верованиями, сопряжены с осознанием смерти, а следовательно, зависят от многочисленных угроз, какие смыслы ретранслируются различными общественными системами, социальными организациями, социальными группами...? Любой из этих вопросов более чем “социологичен”.

Можно, конечно, сослаться на авторитет М.Вебера и в очередной раз провозгласить необходимость возвращения “к истокам”. Но ведь суть заключается не в том, что, поскольку современная социологическая наука почитает М.Вебера как своего интеллектуального гуру, следует использовать его наработки в качестве доказательного аргумента целесообразности интереса социологов к категории “смысл”. Смысл вряд ли нуждается даже в такой серьезной защите. Тем более, мне кажется, что от веберовских весьма продуктивных, но осторожных посылов относительно изучения смыслов социального действия необходимо решительнее переходить к изучению актов смысложизненного поведения, включая и макроуровни. Ведь очевидно — вопросы счастья, аномии, самоубийств, девиации, в целом общественного развития и т.п. теснейшим образом связаны со смысловым полем, если не вытекает из него. Да и многие социальные движения, а также потрясения, революции, войны (включая и гражданские) своими корнями уходят туда же. В этой связи интерес представляет сам факт необходимости продолжать убеждать и социологов, и несоциологов в интеллектуальном праве профессиональной социологии отчетливо и масштабно исследовать всю гамму смысловых проблем.

Чтобы снять хотя бы ряд вопросов относительно того, что имеется в виду, когда в представленном ключе говорится о смысле, сразу подчеркну, — далее речь пойдет о смысле исключительно в значении “смысл жизни”. Не стану входить ни в герменевтические, ни в логические, ни в какие-либо иные системы распредемечивания категории “смысл”. В данном материале я постараюсь сфокусировать свое внимание на 4-х аспектах обширной проблемы смысла жизни в современном обществе: а) основные версии определенного неприятия смысловой проблематики в социологическом сообществе; б) постоянно дискутируемый вопрос о соотношениях категорий “ценность” и “смысл”; в) давление различных религиозных и светских идеологических традиций на создание в социуме “культы” правильного смысла жизни; г) массовая бессмысленность глобального общества в условиях провозглашения “торжества” осмысленной жизни.

Вначале выскажу свои предположения относительно ощущающейся дистанцированности, если не сказать, неприятия смысловой проблематики среди определенной части социологического сообщества. Пока мне видится как минимум три основных набора причин.

Исторические причины. Пожалуй, наиболее очевидные. Изначальная опора социологии на позитивистские концепции как бы предполагала сама по себе наличие смысла в процессе человеческой жизнедеятельности как целенаправленности и движимом рацио. Спрашивается, зачем усложнять жизнь (читай научное творчество) сложными и “размытыми” категориями,

имеющими неоднозначную, как сказали бы финансисты, “кредитную историю” да еще в рамках конкурирующих направлений (философской и религиозной традиций). Увы, как известно, в науке, как и в обыденной жизни, нередко новое знание утверждается за счет радикального отторжения прежних постулатов. При этом мало обращают внимание на то, что зачастую речь идет не о революционных прорывах, а лишь о понятийной модификации. Возможно, определенное (а порой и существенное) игнорирование категории смысла имеет в качестве одной из причин антиклерикалистские тенденции, которые в социологической науке (особенно опять-таки на первых этапах ее становления) были весьма сильны.

Социально-экономические причины. В качестве гипотезы я также выдвину предположение, что индустриальная эпоха, благодаря которой социология сформировалась как определенная система знания, диктовала свои достаточно прагматичные установки и задачи, не давая возможности уходить в “тонкую материю” смысла жизни. Необходимо было организовывать, упорядочивать, контролировать социум, а значит, и отвечать на достаточно утилитарные запросы основных заказчиков (зафиксировать, диагностировать и т.д.). Для этого требовалась опора на какие-то отчетливые критерии. Категория “смысл” с этих позиций весьма подвижна, а с позиций экономизированного управленческого базиса — почти эфемерна. При сохраняющейся и по сей день общей экстенсивной (по отношению к человеку) парадигме общественного развития, когда в системе приоритетов продолжают преобладать процент прибыли, показатели ВВП, производительность труда и стоимость рабочей силы, смысловые вопросы не могут (и, видимо, не должны) доминировать. Они полностью растворяются среди “мотивов”, “мотиваций”, “потребностей” и, в лучшем случае, “ценностей”. Большинство из этих категорий можно удобнее (с разной долей успешности и эффективности) встроить в систему массового производства и массового потребления. А вот смысл сразу создает ощущение фронды. Слишком вынуждает к раздумьям, сомнениям, возможному несогласию с шаблонами и даже протестами против рутины и порядка. Другое дело, что когда социум “взрывается”, интерес, как это не раз подчеркивалось (см., например, интервью с бельгийским социологом М.Болль де Балем в журнале “Социология: теория, методы, маркетинг”), к смысловой составляющей социальной жизни сразу возрастает [Болль де Баль, 2011: с. 173–175].

Личностно-психологические причины. Осмелюсь предположить, что оппонирование широкому проникновению категории “смысл” в категориальный аппарат социологии имеет ряд глубоких и трагических личных причин, которые связаны уже с внутренним мироощущением главных носителей социологического знания, то есть самих социологов. Поскольку большинство представителей социологической науки — люди с высокоразвитой саморефлексией, очевидно, что в вопросах о смысле жизни (личностных, групповых, общественных) они разбираются неплохо. А значит, нередко приходили к выводам, которые изобилуют совсем нелестными эпитетами, знают, как сложно смыслы жизни искать, находить, отстаивать, реализовывать, а реализовав (если повезло), вновь воспроизводить весь (по сути бесконечный, а нередко и “бессмысленный”) цикл. Это же касается и общественных процессов, где об утверждении смыслополаганий (особенно взвешенно рационального и гуманного планов) вообще лучше не говорить. Следовательно,

более резонными выглядят исследовательские подходы с опорой опять-таки на ценностную, нежели на смысловую платформу. Не так лично, не так противоречиво, да и заказчикам понятнее. Вполне очевидно, что скрупулезно и планомерно изучать смыслы означает вольно или невольно и себя погружать в это неоднозначное поле, где не избежать, в том числе (или в первую очередь), нелицеприятного самоанализа.

Что же касается непосредственно украинской социологии, то отраднo, что за последнее время ощущаются небольшие, но существенные подвижки в плане своеобразной легитимизации смысла как социологической категории. Так же симптоматично, что среди кандидатов наук, аспирантов и соискателей появляются исследователи, стремящиеся более предметно подходить к изучению смысла на базе социологического знания. Из украинских авторов известных мне крупных научных работ (монографии и, соответственно, докторские диссертации), непосредственным образом связанных со смысловой проблематикой, до сих пор можно назвать лишь две фамилии — В.Бурлачук и Ю.Романенко.

Жить с “ценностями” или со “смыслом”?

Следующий момент анализа вызван многочисленными и плодотворными дискуссиями во время обсуждения темы “смысла жизни” на целом ряде социологических конференций. В ходе научной полемики коллеги-социологи традиционно спрашивают, в чем принципиальные отличия категорий “ценность” и “смысл”. На что я также традиционно пытаюсь ответить по нескольким позициям (см., напр.: [Яковенко, 2010: с. 58–62]). Сразу же подчеркну, что не собираюсь жестко противопоставлять данные категории, равно как и поддерживать точку зрения тех, кто утверждает, что имеет место обычная тождественность (из чего автоматически следует вывод: стремления говорить о смысле — всего лишь плохая попытка соригинальничать). Самый простой и очевидный пример, который мне неоднократно пришлось демонстрировать в качестве показателя возможности разночтений (и даже полярных позиций) в содержании этих двух категорий (“ценность” и “смысл”) — это “здоровье”. Как хорошо известно, именно “здоровье” по результатам многочисленных опросов традиционно занимает первые места среди ценностей современного человека. Так вот, когда его (“здоровье”) фиксируют в качестве доминирующей ценности, то характеризуют данный факт в большинстве случаев весьма положительно. С позиций же смысла — жить ради того, чтобы быть здоровым — данная ценность выглядит уже, мягко говоря, неоднозначно. Поскольку сразу проступает возможность скатывания в нарциссизм, самозацикливание и, как правило, социальную безответственность. Тогда принципиально важно понять, какие смыслы будет реализовывать человек, водружающий ценность “здоровье” на пьедестал. А здесь спектр может быть очень широк — от банального смысла постоянно добиваться эгоистического ощущения власти над другими людьми, внимательно следя за своим начальственным здоровьем, и до преданного служения обществу (прекрасный пример Н.Амосов).

Или другая иллюстрация, показывающая разночтение категорий “ценность” и “смысл” с условно-динамических позиций. Говоря проще, можно разделять ценности, но не верить в их достижимость. Человек будет считать

высокой (высочайшей) ценностью “Дружбу” (“Любовь”, “Семью” ...), но из-за цепи предательств уже не видеть смысла реализовывать эту ценность на практике. А значит для него отсутствует смысл жить “ради” любви, детей, друзей, родных. Люди могут иметь ценности и даже продолжать придерживаться их, но при этом в “глобальном значении” утратить смысл жизни. В этом контексте уместно привести следующий фактический аргумент о тождественности понятий “смысл” и “ценность”. Считается едва ли не само собой разумеющимся, что ценности у людей есть. Зачастую выясняется только, каковы они, на что направлены и т.д. А вот смысла жизни может и не быть. При этом отсутствие смысла жизни может вызывать осуждение, сочувствие, но не особое удивление в связи с типичностью явления (бессмысленная жизнь). Мало того, когда пытаются кого-либо негативно оценивать, чаще говорят, что он действует, совершает поступки “бессмысленно” или вообще его существование “бессмысленно”. В украинском языке есть не менее беспощадный термин “безглуздо”. Хотя, повторю, — в целом ряде социальных актов ценности и смысл могут быть категориями, едиными по содержанию.

Очевидны и этимологические различия. Ценность — то, что “ценно”. Смысл — “с мыслью”, то есть то, что “осмысленно”. Русско- и украиноязычные исследователи давно уже заметили различия этого понятия (смысл) с англоязычной версией (см., например, уже упоминавшуюся работу Д.Леонтьева “Психология смысла” [Леонтьев, 2003: с. 8]), вернее, с двумя версиями категории “смысл”: “sense” и “meaning”. Мы разделяем точку зрения, согласно которой “sense” ближе не к сознательной, а чувственно-поведенческой составляющей человеческой деятельности. В то время как “meaning” больше соответствует по содержанию логико-семантическому контексту. Соответственно, оба понятия (“sense” и “meaning”) в полной мере не передают того содержательного характера применительно к слову “смысл”, к которому привыкли в русско- и украиноговорящей и мыслящей среде. Примечательно, что в украинском языке, как известно, приемлемо употребление обоих понятий: и “сенс”, и “смысл”. Даже в этом, если искать так сегодня модную близость Украины к различным культурно-цивилизационным полюсам, украинский социум вновь оказывается бинарен (а может синтетичен?). Впрочем, не стану утверждать какую-либо уникальность смысложизненных переживаний или тем более их полярности у тех, кто говорит на английском, украинском, русском, равно как и иных языках. В качестве иллюстрации сошлюсь на знаменитый фрагмент из “Евгения Онегина”:

“Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англичкому сплину,
Короче: русская хандра”.

Для великого поэта была очевидна тождественность душевных смысложизненных метаний, свойственных, если говорить социально-политическими категориями, представителям элитных сословий ключевых империй первой трети XIX века.

Если попытаться совместить наиболее близкие к категории “смысл” понятия “мотив” и “ценность”, то в нашем понимании смысл жизни — это, прежде всего, активная и осознанная составляющая мотивов реализации ценностей. В случае же отхода от ряда строгих дефиниций и представлений

в отношении категории смысла жизни в рамках модной сегодня социологии повседневности, то в житейском (обыденном) значении мы склонны понимать под смыслом отчетливое внутреннее понимание человеком того, ради чего он живет; представление о том, как должна складываться его жизнь, и того, насколько она реализуется в соответствии с данной смысловой программой (если таковая есть или была). Так и осознание его (смысла жизни) отсутствия, как бы с обратной стороны, дает представление о понимании смысла жизни через его утрату, поиски, ненахождение и т.п. Мне очень близка позиция Д.Леонтьева, отмечавшего: “Смысл жизни — это психологическая реальность независимо от того, в чем конкретно человек видит этот смысл” [Леонтьев, 2003: с. 247]. Подчеркну, что я не склонен ни придавать излишнюю пафосность данной категории и тем более утверждать ее главенство, ни нивелировать ее значимость. Для тех, кто намерен более подробно рассмотреть вопросы, связанные с соотношением понятия “смысл жизни” с иными категориями гуманитарного знания, в частности, “жизненный путь”, “жизненная программа”, “стратегия жизни”, “жизненные цели” и т.д., порекомендую обратить внимание на недавние публикации Д.Рощина [Рощин, 2010: с. 95–96]. И хотя я согласен не со всеми теоретическими выкладками исследователя, тем не менее скрупулезность, с которой ведется категориальный анализ понятия “смысл жизни”, мне более чем импонирует.

Независимо от разночтений в трактовках (тем более такой неоднозначной категории) можно говорить о целой социокультурологической традиции воспринимать жизнь как требующую проживания ее “со смыслом”. Замечу: не “с ценностями”, а именно “со смыслом”. Причем я намеренно не противопоставляю в этом плане религиозную и светскую традиции. Обе они, каждая со своими наборами аргументов, поспособствовали тому, чтобы поддерживать и поощрять определенного рода потребность в поиске, нахождении и реализации смысла жизни. И в данном случае для нас пока не важно, что пропагандировалось в качестве первоисточника смысла: *Смысл* как нечто сакральное, богом вдохновляемое в человеке или же *смысл* как осознанный, социально значимый и необходимый жизненный выбор без посредничества высших сил. На исторических истоках идейного культивирования значимости *жизни со смыслом* (причем однозначно с высоким смыслом) остановимся несколько подробнее.

“Культ” смысла жизни в религиозной и светской традициях

Всю человеческую социальную историю, как минимум с периода появления мировых религий, можно было бы назвать персонализированно (субъектно) смысловдохновляющей. Однажды поставив в центр мироздания человеческую личность, какие бы гадости и пошлости ни творились в реальных политическом и социально-экономическом измерениях, никто на протяжении многих столетий не посягнул на то, чтобы в идейном плане сменить акценты. Даже корректные критики коллективистских практик, — а они (практики), замечу, совершались и продолжают совершаться и под прикрытием сверхиндивидуалистических доктрин — не станут отрицать, что речь всегда шла о “настоятельном” убеждении людей в необходимости их личного “сознательного” выбора смысла жизни, пусть даже и в пользу интересов общины (в широком понимании этого термина).

Перетрактовывая одно из ключевых положений работы Н.Бердяева “Смысл истории”, в котором он возлагает на христианство ответственность за идею прогресса и результаты реализации данной идеи, можно сказать, что христианство и ислам (а еще ранее буддизм) несут ответственность за идею индивидуального и общественного смысла жизни. Именно мировые религии, олицетворяющие первый этап глобализации, вбросили, распропагандировали (так и хочется произнести пошлое “распиарили”) и унифицировали в массовом масштабе для всех без исключения представителей рода человеческого фабулу смысла. Идти к Богу “за” и “во имя” смысла, находиться в вечном поиске Истины, самосовершенствоваться и пр. (все идеи “бого-смысла” и “человеко-смысла” многократно и великолепно описаны).

Другое дело, что в прежних аграрных цивилизациях проблема смысла жизни была сужена, как правило, рамками задач выживания, поскольку значительная часть членов общества постоянно функционировала в замкнутом круге воспроизводства условий для обеспечения витальных потребностей. Без надежд и попользований на нечто большее. Понятность “ушедшего” мира, о которой сегодня столько ностальгии, определялась и базировалась на его видимой примитивности. Религиозные постулаты, как известно, в лучшем случае успокаивали надеждой, что смысл жизни — творить добро, искать истину, поступать добродетельно, то есть если действовать согласно божьим заветам, это принесет вознаграждение в потустороннем мире. В свое время меня поразило большое количество пословиц, собранных В.Далем, в которых отчетливо проявлялось желание скорейшего наступления смерти, как избавления от жизненных тягот и невзгод: “Эта жизнь хуже смерти. Эта жизнь и смерти не стоит”, “Отдохнешь, когда издохнешь. Помрешь, так отдохнешь”, “Лучше смерть, нежели зол живот”, “Чем жить да век плакать, лучше спеть да умереть. Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть”, “Бойся жить, а умирать не бойся! Жить страшнее, чем умереть” ... [Даль]. Смиренность, покорное служение Богу, его земному наместнику и “наместникам наместника” (сюзеренам) являлись ключевыми смысловыми установками. Только сверхбойкие в торговле государства, где появлялась значительная прослойка людей, имеющих возможность пожить неплохо и поюсторонней жизнью, могли позволить себе пропагандировать смысловые вольности, впрочем, в строго религиозно дозированных порциях. Как известно, Э.Фромм великолепно проанализировал эту эволюцию через категорию “свободы”. В его знаменитой работе “Бегство от свободы” он подчеркивает (в том числе ссылаясь на глубокие работы Я.Буркхардта), что в средневековье “человек был прикреплен к какой-то структурированной общности; с самого начала его жизнь была наполнена смыслом, что исключало возникновение всяких сомнений” [Фромм, 2003: с. 62].

Появление в качестве светских альтернатив религиозным теориям наиболее известных сегодня правых (либерализм) и левых (социализм, коммунизм) идеологических платформ означало переход к следующему еще более радикальному этапу в культивировании особой значимости нахождения и реализации смысла жизни. Для меня очевидно, и я неоднократно подчеркивал, что в полной мере разделяю точку зрения, согласно которой либеральная (по отношению к монархизму в свое время весьма левая и даже леворадикальная) и социалистически-коммунистическая идеологии имели общий фундамент в отношении идеи социального и духовного раскрепощения

личности. И таким образом, по мере завоевания соответствующих в начале идеологических, а затем и политических позиций поставили в качестве смыслов жизненной реализации (повторю еще раз) творческое развитие человека. А вот кто и каким образом читал, трактовал, а главное осуществлял (и продолжает осуществлять) конкретные практики социального управления, используя социальный ресурс либерализма и социализма, важно именно в плане корреляции между общественными посылами и возможностями их удовлетворения. Раскрепощение личности (“истинное”, “подлинное”... эпитетов за это время накопилось очень много) становилось лозунгом и идейным мотором для гигантских социальных трансформаций. Вся система политической пропаганды (также без видимого деления на капиталистическую и социалистическую) оказывалась пронизанной мыслью о том, что человек — единственный хозяин своей судьбы, он может, а главное, должен развиваться согласно собственным желаниям и стремлениям.

Мало того, “противоборствующие” системы еще и соревновались в том, кто больше распиарит (здесь уже точно подходит именно данный термин) себя в альтернативу другому, демонстрируя возможности по удовлетворению личностных смыслов жизни. В результате мы получили поистине масштабнейшие идеологическую, образовательную, да и научную традиции культа осмысленно проживаемой жизни, что стало восприниматься как эталон если не счастливой, то уж во всяком случае “правильной” человеческой самореализации. “Все наши традиционные духовные нормы были основаны на идее, что каждый должен делать то, что хорошо для человека, что истинно, что прекрасно, что ведет к его развитию и полноте его жизни”, — писал Э.Фромм [Фромм, 2009: с. 108].

На практике же (и здесь в критических оценках сходятся большинство тех, кто умеет отличать идеологию от реальных процессов) никаких возможностей для значительного и тем более массового удовлетворения “правильных” смыслов не проявлялось. Напротив, в противовес красивым лозунгам тотально выстраивалась индустриальная цивилизация пресловутых “винтиков”. В определенном ключе религиозные подходы оказались даже честнее светских. Они хотя бы ничего не обещали людям в посюсторонней жизни. Как уже отмечалось, для аграрной, и в значительной мере, индустриальной цивилизации религиозный смысл выступал спасением в потусторонней жизни от тягот посюсторонней жизни. Также очевидно, что аграрное и даже частично индустриальное общество (“пуританские” традиции) — это по сути своей табуированные системы, где целесообразнее говорить не столько о смыслах-разрешениях, сколько о смыслах-запретах.

В современную эпоху, с одной стороны, инфраструктурно возросли возможности реализоваться “до”, а не “после” смерти, ощутить свою жизнь наполненной и содержательной. С другой стороны, фактически такие возможности оказываются (для огромного количества жителей планеты Земля) весьма ограниченными. Таким образом, переход от “индустриализма” к “постиндустриализму” охарактеризовался двумя взаимоисключающими процессами: еще большим культивированием идей своих устремлений, и наряду с этим сохранением узости коридора действительных способов практического воплощения прекраснодушных лозунгов. Для иллюстрации сошлюсь на интересную публикацию немецкого социолога П.Генова в одном из номеров журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”, посвя-

ценную оценку социально-экономических и политических трансформаций, произошедших в бывшей Восточной Европе под воздействием неолитеральной идеологии и глобальных трендов. Автор отчетливо фиксирует: “Глобализация осуществляется посредством нарастающего объема переработки вещества и использования энергии, а также нарастающей интенсивности восприятия, сохранения, переработки и использования информации. Только на первый взгляд основным актором в этих процессах является человеческий индивид” [Генов, 2011: с. 28]. В качестве же основных акторов исследователь называет экономические, политические и культурные организации, а главным глобальным трендом считает повышение организационной рациональности [Генов, 2011: с.29]. Следовательно, в немного упрощенном виде я бы представил эволюцию идеи служения человека (без особого учета индивидуальных стремлений его самого) как реализацию им общественно значимых смысложизненных установок таким образом: человек в аграрную эпоху служит государю (и богу), в индустриальную — государству, в постиндустриальную — организации. Идея смысла жизни как путь для раскрытия способностей ради самого человека оказывается в очередной раз посрамленной. Кстати, переход от “коммунизма к либерализму” в Украине и во всем постсоциалистическом пространстве тоже ведь проходил через обещание раскрепощения индивидуальных возможностей личности.

Но пока вернемся к более аналитическим сентенциям. Для правильного понимания общесоциального фона, который сложился на протяжении многих веков существования человеческой цивилизации, необходимо выделить ряд подходов, присущих явно или подспудно процессу декларирования характеристик смысла жизни с учетом вышеуказанных религиозно-идеологических традиций.

Гуманистический и общественный пафос. Итак, смысл жизни с позиций мировых религий и доминирующих светских идеологий пронизан представлениями и посылами относительно его (смысла жизни) значимости, если он направлен на “благое”, “справедливое”, приносящее пользу человеку, его близким и обществу. И хотя под обществом нередко подразумевается конкретное государство, религиозная община и т.п., по большому счету, согласно догматике учений, смысл жизни должен включать в себя равнодушие к судьбе всего человечества, то есть глобального общества. Другое дело, что оно (глобальное общество) в оценках религиозных и идеологических проповедников делится на тех, кто уже “свой” (в вере, в правильной идеологии), и тех, кого еще надо привести к “истинной” вере или идеологии. В этом, кстати говоря, тоже может (а зачастую, по мнению адептов, и должен!) состоять “истинный” смысл жизни. И подобного рода мессианство отнюдь не умаляет, а, напротив, лишь добавляет гуманистического, общественно значимого пафоса.

Деление (дифференциация) на “правильные” и “неправильные” смыслы жизни. Данная установка непосредственно вытекает из предыдущей. Под “правильными”, в первую очередь, подразумеваются социально ответственные выборы и их реализация в процессе жизнедеятельности. Идея служения (“Свободе”, “Обществу”, “Родине”, “Человечеству”, “Богу”, “Семье”) — ключевая и “правильная”. Все, что идет вразрез с подобного рода смыслами, объявляется “неправильным”. Просто кушать, пить, вести так называемый праздный образ жизни официально не поощрялось никогда.

Даже несущие основную на сегодняшний день ответственность за так называемый гедонизм Соединенные Штаты Америки на уровне официальных идеологий (либерализм, неоконсерватизм и т.д.) осуждают бессмысленное времяпрепровождение, асоциальное и безответственное поведение, идущее вразрез с “базовыми американскими ценностями”. Один из интересных парадоксов заключается в том, что целый ряд современных стилей жизни в том виде, как, например, их мастерски описывает Н.Шульга в работе “Дрейф на обочину”, противоречат классической либеральной концепции [Шульга, 2011: с. 222–227]. Поскольку в этой доктрине личность выступает, прежде всего, в качестве активного и социально ответственного субъекта. Ни гедонизм, ни консьюмеризм не имеют отношения к главным официальным идейным глобально смысловым концептам современности. Показательно, что крупных бизнесменов во всех странах от имени общества награждают не за их виртуозные способности уходить от уплаты налогов или зарабатывать за счет эффективных приемов эксплуатации рабочей силы, а за благотворительность, меценатство, то есть “благое”: помощь церкви, городу, области, государству... В таком случае они имеют возможность почувствовать себя “правильными” на своем жизненном пути и скорректировать отношение к себе окружающих. В соответствии с платформой “правильных” смыслов шлейф осуждающих оценок (своеобразная идеологическая “анафема”) касается не только тех, кто живет “неправильными” смыслами, но и тех, кто живет “без смысла”, иначе говоря, вообще не знает, зачем он живет.

Ностальгия по ушедшим временам (героизация прошлого). Неоднократно описанный социальный феномен, постоянно вольно или невольно проявляющийся в позициях ретрансляторов и пропагандистов вероучений и идеологий, согласно которому КОГДА-ТО (тут возможны любые временные ссылки: от недавнего времени и до несуществующих эпох) “правильные” смыслы жизни реализовывались чаще и лучше. В значительной мере это объясняется, с одной стороны, склонностью к благоговению перед историей и ее мифологизаторству и, с другой стороны, поколенческим фактором. Следует принимать во внимание и то, что наглядные примеры честного служения и реализации “правильных” смыслов в соответствии с “правильно” понятыми идеями также берутся из прошлого, освящены им. А значит, и в связи с этим оно (прошлое) получает свой бонус перед будничной современностью и непонятно-пугающим будущим. Время “настоящих героев” всегда оказывается где-то позади. Даже несмотря на то, что его (“времени настоящих героев”) никогда не было. А если и было, то эти герои были “одиночками” среди абсолютного большинства стяжателей и праздноживущих. И героями они становились на фоне бессмысленного безбрежья толп, масс, воинств и т.п., превращаясь в символы зачастую уже тогда, когда оклеветанные и гонимые (проданные и преданные) сходили с жизненной тропы.

Завышенные критерии. Здесь, естественно, речь идет о “правильных” смыслах жизни. По сути своей это сплошь и рядом идеалы, которые под силу воплотить в лучшем случае единицам. Ведь человек, реализующий смыслы жизни во всей полноте требований общего религиозно-идеологического фона, должен одновременно осуществить целый комплекс установок: раскрыться творчески, чаще всего это означает найти свое профессиональное призвание, а на основании его и общественное (как минимум на

групповом уровне) признание, создать полноценную и счастливую семью, оставив ей достойное наследство (интеллектуальное и имущественное). Не хочется, откровенно говоря, давать лишние аргументы радикальным феминисткам, но чего правду скрывать, — до настоящего времени, особенно религиозные доктрины, все вышесказанное относили к смысложизненным установкам мужчин. Для женщин же определялись более узкие смыслы жизни. Однако сегодня постепенный отход от жестких патриархатных постулатов приводит к тому, что и для женской половины человечества идеальные критерии стали включать творческую, профессиональную, карьерную и имущественную самореализацию. И все это должно осуществляться в процессе честного труда, праведной жизни и того же активного равнодушия к судьбам и чаяниям окружающих. Напомню, что даже в заявлениях о миссии(!) Международного демократического союза, который сегодня воспринимается как неolibеральный (соответственно правый) интернационал и жестко критикуется с левоцентристских и левых позиций, постулируется: “Наше видение — свободные, справедливые и благотворительные общества” [Арсенко, 2011: с. 83]. То есть провозглашается знакомая и знаковая сентенция: “Свобода и Солидарность!” Именно данный лозунг уже более двух столетий отражает две стороны одного порыва — индивидуальную самореализацию, не забывающую об общественной ответственности. Если говорить намеренно тавтологически, то, в принципе, смыслы жизни — это *почти* идеальные воплощения в не менее идеальных условиях *почти* идеальных целей.

Бесконечная процессуальность. “Правильные”, “идеальные” смыслы жизни не могут быть когда-либо в полной мере реализованы. Они представляют собой вечный процесс самосовершенствования. Остановка на этом пути — уступка лени и праздности. Человек должен постоянно идти и открывать для себя и в себе Бога, Истину, Добро, Справедливость...

Уточню, что ко всему названному я не отношусь ни критически, ни тем более осуждающе. Я лишь вынужден констатировать, что планка идейных требований очень (возможно и правильно) высока. А следовательно, в соответствии с данной планкой периодически (или постоянно) происходит оценка смысложизненных реализаций. Здесь же следует искать многочисленные “комплексы вины”, “чувства нереализованности” и прочие сложные особенности индивидуальных и общественных настроений. Ведь, с одной стороны, мы делаем каждую личность ответственной за поиск, нахождение и реализацию смысла жизни. С другой стороны, предъявляем к ней весьма высокие требования. И наряду со всем этим отсутствуют (вообще или в значительной мере) условия, способствующие воплощению “правильных” смыслов. Как результат — социальная неудовлетворенность уходит или внутрь человека, или во вне, что приводит к известным социальным потрясениям.

В практической плоскости, если мы и можем видеть в некотором приближении реализацию “правильных” смыслов жизни, то преимущественно в мобилизационном ключе, экстремальных условиях. На микроуровнях это, как правило, житейско-семейная мобилизация. Например, борьба за жизнь ребенка (других родственников), стремление “поставить на ноги” и т.д. На макроуровнях — та же война, формирующая задачи победить, выжить, наконец, любой ценой. Вполне возможно, что социально-исторически возникновение идеальных концепций смысложизненной реализации — это попыт-

ка ответа на противоположную сторону проблемы смысла — социальную инертность, социальную безответственность значительной части общества. Ведь очевидно, что социологию волнуют не только сложности с реализацией смысложизненных установок, но и, скажем так, непредрасположенность (возможно, даже отсутствие в массовом масштабе) способностей к сознательному нахождению и реализации смысложизненных установок.

Характерно, что и при попытках классификации смыслов присутствует (явно или неявно) традиция брать в качестве отправной точки некие идеально-правильные смыслы жизни. В частности, в упоминавшейся работе “Психология смысла” Д. Леонтьев приводит четыре варианта отношений между смыслом жизни и сознанием. Приведу важную, на мой взгляд, цитату полностью: “1. Неосознанная удовлетворенность. Это жизнь, протекающая гладко и без рефлексии и приносящая чувство удовлетворения, не побуждая к раздумьям о ее смысле. 2. Неосознанная неудовлетворенность. Человек испытывает фрустрацию, пустоту, неудовлетворенность, не осознавая причин этого. 3. Осознанная неудовлетворенность. Человек испытывает чувство отсутствия смысла и активно, осознанно и целенаправленно этот смысл ищет. 4. Осознанная удовлетворенность. Человек в состоянии дать себе отчет в смысле своей жизни, это осознанное представление не расходится с реальной направленностью жизни и вызывает положительные эмоции. Отдельно следует отметить пятый случай — вытеснение смысла жизни, когда адекватное осознание объективной направленности жизни несет в себе угрозу для самоуважения. Если жизнь человека объективно имеет недостойный, мелкий или, более того, аморальный смысл, то осознание этого ставит под угрозу самоотношение личности. Чтобы сохранить самоуважение, субъект внутренне бессознательно отрекается от истинного смысла своей реальной жизни и заявляет, что его жизнь лишена смысла. На деле за этим стоит то, что его жизнь лишена достойного смысла, а не то, что она не имеет смысла вообще” [Леонтьев, 2003: с. 249–250]. Как видим, пятый случай, несмотря на его распространенность и типичность, обозначен исследователем фактически в качестве дополнительного (“отдельного”). И именно в нем при характеристиках смысла жизни представлены такие эпитеты, как “истинный”, “достойный”, что подразумевает некие “правильные” критерии, по отношению к которым “жизнь человека объективно имеет недостойный, мелкий или, более того, аморальный смысл”. Таким образом, авторитетный психолог исходит в своем анализе из все того же диссонанса между “истинным” и “аморальным” смыслами. Особенно показателен эпитет “мелкий”. То есть в обществе бытует представление о “больших” (нереализованных или нереализуемых) смыслах жизни и о “мелких”. Правда, я бы не согласился с однозначной формулировкой, что человек “внутренне бессознательно” отрекается от истинного смысла. Многие производят данный акт вполне сознательно (и это выглядит на самом деле еще более трагично). По-моему, “пятый случай” — это, скорее, разновидность 2 и 3 вариантов, когда существует осознанное или неосознанное чувство неудовлетворенности смыслами жизни. Весьма любопытно, что в 3 пункте автор не удержался и ввел в полярности “осознанность–неосознанность” и “удовлетворенность–неудовлетворенность” также и деятельностную характеристику: “активно, осознанно и целенаправленно этот смысл ищет”. С человеческой позиции это оправданно, а вот с аналитической вряд ли. Поскольку такие

полярности, как “ищет–не ищет”, “активно–неактивно”, “целенаправленно–нецеленаправленно”, требуют особой дифференциации и, следовательно, учета при оценке смысложизненных ориентиров.

В этом контексте до сих пор недостаточно исследованной социологами остается актуальнейшая проблема “угасания” смыслов жизни, когда фактически люди утрачивают серьезную мотивацию для саморазвития. Достаточно указать лишь такие факторы, как неудовлетворенность профессиональной самореализацией и отсутствие полноценных семейных отношений. В результате имеют место смыслоутраты, связанные с возможностями личного роста и позитивного самоутверждения в качестве полноценных родителей. Даже по этим двум основным параметрам человеческого смыслового развития мы имеем значительный процент людей, разочаровавшихся и потерявших надежду на восстановление ранее желаемых и, возможно, на каком-то этапе утверждаемых смыслов.

Итак, общий идеологический фон, совмещающий и религиозные и светские постулаты, постоянно ретранслирует в общественную среду следующие требования-позиции: 1) человек должен жить со смыслом; 2) этот смысл должен быть положительным — приносить пользу самому человеку и обществу; 3) только таким образом человек может ощущать свою жизнь счастливо прожитой и получить общественное одобрение.

Подчеркну специально: здесь приведена идейная (и идеальная) платформа, которая постоянно через систему обучения, воспитания, научные и религиозные каналы влияния предъясняется как эталон индивидуального поведения. Естественно, отсюда исключены (абсолютно сознательно) сфера деятельности масс-медиа и уж тем более реальные политико-экономические практики. Напротив, я как раз пытаюсь подчеркнуть то фактическое противоречие, известное всем, кто имеет хотя бы небольшой жизненный опыт, между смыслами жизни, определяемыми “общественной идеологией”, и жизнью как таковой с ее реальными условиями и возможностями, то есть в большей мере тотальными невозможностями эти смыслы реализовывать. Именно на этой фундаментальной “нестыковке” базируются многие выводные линии относительно социальных аспектов смысложизненной проблематики. По сути, до сих пор, несмотря на всю либерализированность, постиндустриальность, демократичность (“демократотранзитность”) общественных отношений, постулируемые “правильные” или “истинные” смыслы жизни представляют собой преодоление и, прежде всего, преодоление социальных условий, ограничивающих, а то и вовсе истребляющих желание к осмысленной и общественно значимой реализации. В политическом звучании, развиваться, руководствуясь “высокими” гуманистически ориентированными смыслами жизни, представляет собой, в сущности оппозиционную жизнедеятельность и даже радикально оппозиционную. Здесь следует выделить, как минимум, три условных порога, превращающих реализацию позитивных смысложизненных устремлений едва ли не в гражданский подвиг:

- 1) общая инертность и тенденциозность социальной среды, которая предпочитает жить в устоявшихся условиях и для которой любая позитивная реализация — укор и обвинение в ее неспособности к “настоящей” жизни;
- 2) традиционализм форм и принципов управления (подчинение, тотальный контроль и т.д.);

3) расчлененность всеобщего социума, а, следовательно, сохранение идентификации “свой”–“чужой” по многим линиям социальной дифференциации.

В этой связи, конечно же, возникает множество вопросов, над которыми социологи (и не только они) ломают полемические копыя. Прежде всего: что первично, так называемая природа человека, которая обуславливает и конформизм, и инертность, и зависть, и агрессию по отношению к успешным, целеустремленным, “смысложизнереализуемым” представителям общества, или же социальные условия, которые во многом саму эту природу определяют и воспроизводят?

Смыслы жизни в эпоху глобализации: ускользание традиций

Не могу не коснуться влияния пресловутой глобализации на смысло-жизненную сферу. Но в начале еще раз отмечу важность тесного сопряжения индивидуальных смыслов жизни со смыслами жизни общества. Индивидуальные и общественные смыслы связаны не только через известную регламентацию обществом определенного спектра личностных смысловых выборов, но и по иным основаниям.

Во-первых, смыслы жизни явно или латентно увязываются со “служением” обществу, с пользой для него.

Во-вторых, смыслы жизни связаны со смыслами существования социумов, отдельных социальных институтов, скрепляющих социум. Особенно это касается деятельности ключевых социальных институтов (образование, здравоохранение, армия, церковь...). Честное выполнение общественных обязанностей в системе их функционирования (учить, лечить, защищать, спасать...) — традиционные смысложизненные установки миллионов людей, благодаря которым общества сохраняют свою целостность. Разрушение общественных систем и социальных институтов, прежде всего государств, ведет к громадному числу смысложизненных утрат.

Поэтому все, что мы сегодня относим к последствиям глобализации, самым непосредственным образом затрагивает систему устоявшихся смысло-жизненных установок. Перечислю лишь ряд достаточно очевидных результатов глобализационных трансформаций, влияющих на смысложизненную сферу. Понятие “Родина” становится эфемерным, так как традиционное государство превращается в часть политэкономических агломераций. Армии все больше начинают напоминать потешные войска (или модифицируются в структуры для “внутреннего пользования”) в связи с тем, что страны и без вооруженного сопротивления сдаются без боя в экономическую кабалу коллективным финансовым структурам. Сельскохозяйственные работники с удивлением узнают, что их труд также особо государству не нужен, поскольку есть производители сельхозпродукции из более сильных стран или объединений стран, создавшие правила, согласно которым развитие “отечественного” сельского хозяйства экономически нецелесообразно. Работники промышленной, банковской и многих иных сфер (особенно в постсоветских государствах) зачастую мечтают попасть в солидные зарубежные компании с системой соцгарантий, менеджментом и т.п. Таким образом, смыслы служения Родине все чаще становятся уделом для наивных граждан, которых ждет очередное разочарование, когда они узнают, кто и за сколько “продал” или “залю-

жил” их более опытным и умелым конкурентам. “Служить” же МВФ, Всемирному банку, ООН или даже абстрактному Человечеству — и такая идеологическая культура еще не сформировалась. Этот феномен утраты веры в необходимость служения прежним государствам не нов. Достаточно вспомнить хотя бы начало прошлого века, когда сразу несколько империй (Османская, Австро-Венгерская, Российская) оказались в удивительно короткие сроки политическими фантомами. А ведь их населяло множество людей, до поры до времени веривших в них и связывавших свои индивидуальные смыслы с этими государственными образованиями. Но если раньше вакуум и тотальная фрустрация прежних социально значимых “государственнических” или “монархических” смыслов замещалась сверхидеологиями, дававшими людям сверхнадежду в тотальном кризисе, а на базе этих идеологий возникали новые или переоформлялись старые государства, то сегодня, как отмечают многие специалисты, нет такой сверхидеи. Пресловутая двухполюсная система помимо всего прочего (а может и прежде всего) давала тем, кто находился внутри каждого из противоборствующих лагерей, ощущение глобальной значимости в качестве спасителей человечества (одни спасали мир от капитализма, другие — от коммунизма). Утрата этой глобальности “шапки”, как представляется, еще недостаточно оценена исследователями. Пусть это прозвучит кощунственно, но нам неоднократно приходилось слышать признания людей о том, что они завидуют своим старшим родственникам, умершим до 1991 года, поскольку те знали, “зачем” жили и “за что” умирали. “Свобода”, которая в настоящее время, пожалуй, осталась единственным магическим понятием, зовущим верить и “сражаться” за лучшее будущее Человечества, оказывается еще более абстрактным и выхолощенным термином, нежели либерализм и социализм в периоды их социально-революционных триумфов (пусть даже и в национально ограниченных модификациях). Тем более, что и концептуально “свобода”, как известно, лишь часть все тех же прежних сверхидеологий, включая, кстати говоря, и ее коммунистический вариант. И если в прежние времена глобальные социальные брожения, выступающие следствием утраты контроля прежних элит над общей экономической, финансовой и политической ситуацией, а главное над собственными амбициями и заскользящими представлениями, не соответствующими изменившимся обстоятельствам, компенсировались, как мы уже указывали, перспективными идеями, то сегодня очевиден вакуум глобальных смыслов. Прежние дискредитированы, новые сочинять бессмысленно — они будут представлять собой компиляцию прежних смысловых установок. А практическим воплощением идеалов Свободы, Равенства и Братства — заниматься некому. Глобальное общество характеризуется не отсутствием амбициозных идей, способных в очередной раз вдохновить, а вдохновив, обмануть пресловутые “массы”. Оно находится в тотальном, как сегодня модно говорить, исполнительском кризисе, когда “наперсточничество” мировой элиты (без какого-либо национального, расового, религиозного, языкового и проч. деления) все более очевидно, благодаря новейшим коммуникационным технологиям и повышению числа образованных людей. Общественный негатив (вследствие накопленного отрицательного опыта) и неспособность к реализации исторически перебродивших смыслов все труднее перебрасывать с континента на континент. Развиваться (если ставить перед собой такую задачу) можно только “вовнутрь”. А это значит деформировать тысячелетиями складывавшиеся правила игры.

Как продолжать, например, жить по принципу “разделяй и властвуй”, когда надо делить то, что на правах мирового пая тебе же и принадлежит? И таких абсурдов становится все больше. Но сказать честно людям, например, что их смыслы жизни не связаны с жизнедеятельностью конкретного государства, которое уже несколько раз “заложено” и “перезаложено”, еще не решаются. Умные же представители социума об этом давно догадываются. Как, например, в свое время догадывался и в отчаянии писал о предательстве Франции в начале Второй мировой войны Антуан де Сент-Экзюпери [де Сент-Экзюпери, 2003: с. 92]. Сейчас все прозрачнее и прозаичнее. И это еще один компонент в общей системе сложностей с определением социально значимых смыслов.

Потому можно предполагать повышение актуальности смыслов в системе микросвязей. Однако и здесь масса проблем. Жить “ради” семьи в условиях разрушения семьи не менее сложно, чем жить “ради” Родины, когда она быстро меняет ориентации или вообще исчезает. Профессиональная сфера также становится весьма подвижной. Все больше причин и факторов заставляют человека менять области занятости, не связывать себя однопорядково с корпоративной стратегией (фирма, завод, фабрика, организация и т.д.). Традиционно устойчивые системы профессиональной самореализации, такие как армия и правоохранительные структуры, хотя и менее подвержены дихотомии, однако работа в них все чаще превращается в способ зарабатывания приличной пенсии и обеспечения трамплина на постпенсионный период или, на худой конец, создания условий для не очень “жесткой посадки” после выхода на заслуженный отдых.

Таким образом, индивидуализация и автономизация жизненного пространства для значительного числа людей делают неактуальными привычные “правильные” смыслы жизненной реализации. И здесь вновь наблюдается известный существенный диссонанс. Смыслы жизни действительно в их историко-идеологической традиции и фактической значимости не могут не включать общественной компоненты. Проще говоря, человек не может до конца ощущать удачность реализации своего смысла жизни, если это не посвящено кому-то или чему-то (конкретным людям, Семье, Государству, Человечеству, Богу, Вселенной ...). И чем рациональнее, чем грамотнее и образованнее личность, тем это отчетливее осознается. Коммерческая сфера дает достаток, самоуверенность. Однако полное самоуважение может дать только осознание общественной полезности, а вот ее надо еще самому себе доказать. И “выход” человека, как писал Э.Фромм, “из доиндивидуального существования” и “полное осознание себя в качестве отдельного существа” [Фромм, 2003: с. 73] означают “вход” в пространство, которое оказывается в большей степени переполненным сомнениями, нежели уверенностью. По большому счету, здравомыслящий человек должен находить для себя смыслы своего существования, более не полагаясь на старые и новые подсказки. Они, как правило, спекулятивны и фиктивны.

Социальное пространство стало отнюдь не более сложным, как это зачастую подчеркивается. По моему мнению, оно никогда не было простым для мыслящих людей. Достаточно обратиться здесь в качестве аргумента к мировой литературе. Например, привести знаменитые терзания принца Гамлета, а на их фоне наблюдать, как сказали бы сегодня, геополитический передел сфер влияния с использованием внутридинастической борьбы.

Сложность современного социального пространства заключается, прежде всего, в увеличении числа людей, способных к критическому мышлению, и в возрастающих возможностях к более отчетливому, непредвзятому анализу происходящего. Причем в условиях, когда больше нет иллюзий относительно любых религий (не на уровне правильных гуманных идей, а на уровне меркантильных практик), идеологий, политических режимов. Больше некуда спрятаться и фактически некуда бежать, если ты, конечно, не “колбасный” эмигрант. Связывать же свою жизнь с общей фабулой развития человечества, — как это в свое время пытались делать, например, А.Швейцер, В.Вернадский, Б.Рассел, Э.Фромм и другие гуманисты растворившейся эпохи, — до сих пор еще остается экзотическим выбором в системе деятельности устоявшихся макрокорпораций, которые к тому же весьма настойчиво сражаются друг с другом хотя бы за сохранение прежней величественной атрибутики.

Конечно, можно возразить, что такие терзания и сомнения касаются небольшой доли процента от всех живущих на планете. Но я могу ответить, что, во-первых, это наиболее интеллектуалоемкая часть человечества. А, как правило, именно она созидает “глобальные смыслы” или всем стремится объявить о “кризисе”, “катастрофе”, “проблемах” и т.д. Во-вторых, то, что отчетливо понимает наиболее думающая и сомневающаяся часть всеобщего социума, как правило, в менее концентрированном виде присутствует в ощущениях тех, кто в силу обстоятельств не может до конца “замысливаться” и “промысливать”.

Проблема смысла среди бессмысленно живущих

В этой связи возникает еще одна щекотливая тема, которую исследователи рассматривают либо не очень охотно, либо излишне обобщенно. В какой мере оправданно говорить о смыслах жизни, если периодически возникают большие сомнения в том, что многие люди вообще способны отчетливо думать о собственных смыслах жизни, их сознательно выбирать и стремиться осуществить? Можно даже сказать, что известная социально-психологическая трудность изучения таких неоднозначных проблем, как смысл жизни, заключается в том, что те, кто занимается его изучением, так или иначе обладают им (смыслом), компетентны по целому ряду социальных вопросов и устремлены (ориентированы) на познание. Им зачастую сложно согласиться с иной реальностью, в которой могут существовать люди, которым в принципе, возможно, отчетливо и не приходило в голову задуматься, зачем они существуют и в чем их жизненное предназначение. Возникают и воспроизводятся два почти параллельных “ментальных” мира, один из которых пытается понять другой, вольно или невольно навязывая ему свои правила (в данном случае правила качественного самоосознания). Я уже как-то отмечал, что известная практика изучения смыслов с помощью МПС (Методика предельных смыслов) демонстрирует интересный результат: целый ряд испытуемых признаются, что стали задумываться над своими смыслами жизни, только когда были привлечены к эксперименту. Мне также приходилось сталкиваться с подобным феноменом при организации собственных скромных исследований. Один из авторов и пропагандистов данной методики Д.Леонтьев искренне радуется тому, что экспериментатор выступает в роли эдакого “первосмыслодвигателя” [Леонтьев, 1999]. Одна-

ко, видимо, более важен вопрос, в какой мере мы можем полагаться на ответы данных респондентов, если они до начала “инициации” пребывали во вполне “бессмысленном” состоянии. Не говоря уже о последствиях такого смыслового толчка. Ведь хорошо известен парадокс, согласно которому не понятно, что лучше — пробудить в человеке проблему смысла жизни и, если он не справится с ее практическим разрешением, сделать его несчастным или же сохранить такого индивида в счастливо-бесечно-бессмысленном состоянии. Полагаю, что социологам помимо всего прочего очень важно научиться понимать социальное самочувствие тех, кто аморфен и достаточно инертен к проблемам поиска и реализации какого-то смысла жизни, саморазвития и т.п., не говоря уже о смыслах развития общества (обществ).

Возникает своеобразное противоречие. С одной стороны, создана целая традиция и даже культ осмысленно проживаемой жизни, а с другой — нельзя не фиксировать многочисленные примеры отсутствия у человека смысла как такового. В результате жить без смысла считается неправильным, постыдным с официальных позиций, но в то же время установка искать, находить и реализовывать лично- и тем более социально ответственные смысловые установки воспринимается как девиация в среде и в оценках людей, плывущих по течению жизни. Поиски смысла жизни непроизвольно побуждают к необходимости мыслительного напряжения. Социальная же среда — напротив сфокусирована на всевозможных способах расслабления. Основная масса людей поверхностна, созерцательна, инертна. Довольствуется принципом легкого и быстрого удовольствия. Таким образом, позитивная, сознательная реализация смысло-жизненных установок наталкивается на определенные препятствия. Но если выше я выделял три условных порога, то в данном случае охарактеризую их, используя метод задавания “детских” вопросов. Приведу лишь несколько: Могут ли все (большинство) жить с “правильными”, “истинными” смыслами жизни? Могут ли они (смыслы жизни) у данного большинства оказаться реализованы таким образом, чтобы в момент перехода из одного мира в другой люди ощущали себя полноценно жившими? Могут ли все быть творческими, самоактуализированными, саморазвивающимися людьми, не поддающимися соблазнам потребительского общества? Можно ли — и если “да”, то каким практическим образом — устранить желание человека довольствоваться упрощенными (примитивными) потребительскими практиками? Что выступает первоосновой таких практик — сформировавшиеся социальные условия или же внутренняя предрасположенность человеческой особи к относительно пассивной, нетворческой, инерционной деятельности (равно как лени и бездеятельности)? Что означает наличие огромного числа людей, собственно говоря, не знающих (и не пытающихся задуматься), в чем их смысл жизни, — следствие социально-экономических ограничителей или же результат действия внутренних психобиологических феноменов, “блокирующих” подобного рода “рациональную тревогу” и “смысловую активность” в сознании индивидов? Что делать с мировой экономикой, которая базируется преимущественно (если не сказать исключительно) на фабуле возрастающего потребления, так что снижение потребительской активности выступает алармическим сигналом для ее (мировой экономики) самочувствия? И, следовательно, возможно ли преодоление противоречия между примитивно-потребительской глобальной экономикой и социумом, который, если верить последовательным гуманистам, должен стано-

виться все более и более “постматериалистическим”? Способно ли организованное человечество отказаться от практики силового и монопольного разрешения кризисов, когда ради прибыли, экономического роста, глобального влияния и т.д. одни организуют убийства (физические, моральные, психологические...), другие, соответственно, превращаются в убийц, а третьи (абсолютное большинство) — оказываются в положении пассивных наблюдателей (соучастников) насилия, соглашаясь с обыденностью такого рода действий? В результате фрустрация тех самых идеальных позитивных смыслов жизни оказывается уделом и первых, и вторых, и третьих...

Выводы

Резюмируя вышеозначенное, отмечу прежде всего, что у социологической науки есть свой вполне очевидный интерес к смысложизненной проблематике, поэтому более чем странной кажется необходимость постоянного едва ли не оправдывания при артикуляции доказательств целесообразности для социологии входить в данное проблемное поле. Я также согласен, что сегодня есть много незримых порогов, не позволяющих представителям социологического знания без сомнений и колебаний брать на себя интеллектуальную ответственность изучать смысложизненные ориентации.

Кроме противоречий понятийно-категориального плана, вращающихся вокруг соотношения слов “ценности”, “цели”, “смыслы”, “потребности”, “мотивы”, “мотивации” и т.д., не менее важно понимание противоречий, связанных с возможностями/невозможностями осознания и реализации смысложизненной составляющей сознания и деятельности. Социологической науке важно не только знание механизмов социального “запуска” вопросов о смысле (общество/самоинициация), но и понимание того, насколько конкретные социальные условия позволяют или не позволяют людям (кому, в каком процентном отношении и т.д.) ощущать свою жизнь как осмысленно проживаемую.

Так же важно определение “количественных” и “качественных” характеристик тех представителей социума, которые либо вообще никогда не сталкивались по-настоящему с этой мучительной проблемой и лишь смутно ощущают свою жизнь бессмысленной, либо утратили или утрачивают (а значит, важно понимание характера и степени утрат) смысложизненные установки, живя по траектории социальной (или уже просто витальной) инерции. Для меня очевидно, что данная тематика вполне резонно имеет глобальное измерение. Миллиардное сообщество вполне заслуживает попыток осознания того, кто, в какой мере и чем руководствуется при построении смысложизненных перспектив.

Историко-социальные реалии таковы, что имеет место многовековая всеобщая практика продуцирования позитивного социального пропагандистского фона, в котором главную роль играют общественно значимые смыслы жизни. Они (смыслы общественного служения, морального поведения и творческого развития) продолжают оставаться как теоретическим ответом на социальные потребности консолидации общества, так и умелым идеологическим оружием, имеющим мало общего с практикой повседневного социального бытия. Это испытанный веками идейный рычаг управления, приспособляемый под обновляющиеся социально-технологические по-

рядки. С одной стороны, провозглашается и социально агитируется, что человек должен проживать жизнь со смыслом. С другой — реальные потребительские и квазигедонистические практики (в любой из цивилизаций — без исключения) генерируют позиции, согласно которым особые созидательные смыслы жизни не нужны. А те, кто слишком сильно углубляется в эти проблемы, — едва ли не маргиналы. Позитивный жизненный смысл — это скорее социальная оппозиция, имеющая соответствующие ироничные и даже осуждающие эпитеты — от чудачества до более радикальных оценок со стороны инертного и зацикленного на собственном нерасчленном “Я” социуме.

Людей, отчетливо и самостоятельно находящихся и стремящихся реализовать смыслы самореализации, абсолютное меньшинство. Большинство существовало и продолжает существовать в инертном или же даже активно сопротивленческом отношении к высоким смысложизненным ориентирам. В качестве основных причин здесь можно определить и сложившиеся формы экономической деятельности, и, по всей видимости, еще не до конца изученные механизмы индивидуального психосоциального торможения, уходящие своими корнями, возможно, еще в древние адаптационные практики. Так или иначе, обществу в лице его управленческого звена в большей мере до сих пор нужны люди с исполнительской психологией и социальной позицией, не предполагающей смысловой инициативности, высокого уровня смысловых притязаний. Мы имеем глобальное общество покоряемых и покоряющихся индивидов при повышении идеологической амплитуды значимости самоорганизующихся людей. В современном социуме продолжают выигрывать те, кто живет упрощенными смыслами или псевдосмыслами. Проигрывают же те, кто думает о достаточно высоких жизненных стимулах, и особенно те, кто пытается сохранять гуманистическую платформу своих смыслополаганий. И это при наличии традиции осуждающего отношения к людям, не имеющим смысла жизни или выбирающим “неправильные” смыслы.

В качестве небольшого примечания

Я ни в коем случае не претендую на манифестирование необходимости создания очередного направления или отдельной отрасли социологии, как это сейчас зачастую принято и даже модно. Я лишь хочу ввести (вернуть) категорию “смысл” в качестве вполне обыденного, привычного элемента социологического анализа. Скромные популяризаторские устремления автора уже осуществились после того, как словосочетание “социология смысла” вошло в Социологическую энциклопедию под редакцией В.Городяненко. Преподавательские же амбиции были с лихвой реализованы в период с 2003-го по 2005-й, когда одноименный экспериментальный курс, благодаря поддержке Б.Нагорного (заведующего кафедрой социологии ВГУ им. В.Дала), включался в программу подготовки специалистов и магистров социологии. Уже тогда, несмотря на большой интерес студентов к смысловой проблематике, встало огромное количество фундаментальных вопросов. Часть из них здесь освещена. Впрочем, неразрешимыми остаются ключевые из них: зачем понимать многое о собственных смыслах и смыслах индивидуального, группового и общественного развития, если: во-первых, это мало кого волнует даже в ближайшем окружении, а если и волнует, то никто ничего менять не собираются; во-вторых, в реальных практиках (производственно-бытовых) даже сло-

во “смысл” мало приветствуется, если не вызывает агрессию; в-третьих, изучение смысла жизни выступает, как минимум, источником персонального диссонанса. И даже искренняя радость за профессиональные успехи нашего молодого коллеги А.Мельникова (одного из тех, кто в свое время был вынужден слушать учебный курс “Социология смысла”), связавшего свою творческую судьбу с экзистенциальной социологией, не может компенсировать ощущение сомнения в целесообразности поползновений к изучению смысложизненных парадоксов в рамках учебных программ. Перефразируя известную фразу Наполеона в отношении Китая, может, и здесь лучше признать: “Смысл спит — ну и пусть спит...”?

Источники

- Арсеенко А. Что такое неолиберализм в контексте современной “экономикс” и экономики / А. Арсеенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 2. — С. 78–106.
- Бердяев Н. Смысл истории / Н.Бердяев. — М.: Мысль, 1990. — 136 с.
- Даль В. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] / В. Даль // Библиотека Гумер — культурология. — Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/02.php.
- Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (МПС) : Методическое руководство / Леонтьев Д.А. — М.: Смысл, 1999. — 36 с.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Леонтьев Д.А. — 2-е изд., испр. — М.: Смысл, 2003. — 487 с.
- Рошин Д.Г. Категорія “смысл життя особистості” в системі суміжних понять гуманітарних наук / Д.Г. Рошин // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологія. — 2011. — Вип. 1–2. — С. 94–98.
- Сент-Экзюпери А. де. Военный летчик. Маленький принц / Сент-Экзюпери А. де ; [пер. с франц. А. Тетерниковой]. — М.: Издательство АСТ : Ермак, 2003. — 235, [5] с. — (Классическая и современная проза).
- Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; отв. за выпуск Ю.Г. Хацкевич. — Мн.: Харвест, 2003. — 384 с. — (Философия. Психология).
- Фромм Э. Кризис психоанализа / Э. Фромм ; пер. с англ. / под общ. ред. П.С. Гуревича. — М.: АСТ : АСТ МОСКВА, 2009. — 252, [4] с. — (Философия. Психология).
- Шульга М.О. Дрейф на узбіччя. Двадцять суспільних змін в Україні / Шульга М.О. — К.: Друкарня “Бізнесполіграф”, 2011. — 448 с.
- Экзистенциальная и гуманистическая психология. — Режим доступа : <http://hpsy.ru>.
- Экзистенциальная социология в лицах: Интервью с Марселем Болль де Балем / А. Мельников, М. Болль де Баль // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 2. — С. 163–177.
- Яковенко А.В. Про смисли та цінності при вивченні соціальних процесів / А.В. Яковенко // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. праць ; вип. 16. — Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. — С. 58–62.